

Коля Древний

Самиздат

Ссвязкатиасстения восприя зозаврлптва
салапатнадагмиодея одвористепилатева
парисгя пасевннсии пидарипативе гарриу
ввогаруау.

СКВ 01 агитиноивитинные пасиболнива «обвиасеник
кота сииа подризпасатрвякаи гоовэрия вкзобблаченик
парплиценни в аетсеепегоа тоерора в н гетрпимотык
опэцденниии родингсерочото об тоаи.

СКВ 01 дтериакимиништин гризовизваки опидактог=
сэвиеннсии воиареппракодосте, гэдлина разобиении
иосвщииии талнииниенниивувавшии викинагсполоция
ни ргхции граоголанении согэзиоинииии кспэвеникип
проовловогог допэрдори, вэзрлогвои пцэттованда.

Переломный 1926 год
или как 100 лет
была разгромлена
старо-ленинская
гвардия

Коля Древний

Переломный 1926 год или как 100 лет назад была разгромлена старая ленинская гвардия

<https://litres.ru/74524139>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга, посвящена событиям столетней давности, когда была разгромлена старая ленинская гвардия. Она помогает современному читателю понять, как внутрипартийные дискуссии стали предвестниками будущих разоблачений и обвинений на публичных процессах в годы Большого террора, как нетерпимость к оппозиционным платформам внутри самой ВКП(б) неизбежно обернулась нетерпимостью к любому инакомыслию в масштабах всей страны, как диктатура пролетариата, а на самом деле одной политической партии -ВКП (б) превратилась в диктатуру Политбюро, а затем в диктатуру т. Сталина, почему Сталину удалось сделать то, что не смогли политические противники большевиков и почему "грубиян" Сталин победил блестящих интеллектуалов: Троцкого, Зиновьева, Каменева и Бухарина и как большевик Коба, стал "Великим вождем всего советского народа Иосифом Виссарионовичем Сталиным".

История это незастывшая конструкция это живой организм. Надо только бережно относиться к нему и тогда История сама заговорит с вами.

Коля Древний Переломный 1926 год или как 100 лет назад была разгромлена старая ленинская гвардия

Глава 1

Введение

В истории Советского Союза есть даты, которые стали символами великих свершений, и есть даты, ставшие символами великих трагедий и перелома в судьбе страны. Таким годом стал **1926-й**. Сто лет назад, в условиях экономической разрухи, военной слабости и международной изоляции, в высших эшелонах власти разгорелась последняя битва за наследие Ленина. Это была не просто борьба за власть между амбициозными лидерами. Это был спор о будущем России: идти ли по пути «мировой революции», как предлагала старая гвардия, или сосредоточиться на строительстве «социализма в одной стране», как настаивал Иосиф Сталин. Эта книга — хроника того, как аппаратная интрига победи-

ла революционную романтику, как прагматизм взял верх над идеологией и почему поражение оппозиции в 1926 году открыло дорогу к диктатуре и Большому террору.

**« А если
в партию
сгрудились малые —
сдайся, враг,
замри и ляг!**

**Партия —
рука миллионопалая,
сжатая в один
громящий кулак».**

•
В. Маяковский, поэма «Владимир Ильич Ленин» (1924)

Глава 1. СССР на изломе: Страна, армия и экономика в 1926 году

Подглава 1. СССР на изломе: Страна, армия и экономика в 1926 году

Раздел 1. «Ножницы цен»: Экономический тупик НЭПа

К 1926 году Советский Союз напоминал больного, который едва оправился от тифа, но всё ещё страдает от слабости и анемии. Новая экономическая политика (НЭП) выполнила свою главную задачу: она остановила голод, восстановила разрушенное сельское хозяйство и вернула в города жизнь. Но платой за это восстановление стала глубокая структурная болезнь, которую в партийных кругах называли «кризисом ножиц».

Суть проблемы была проста и убийственна для экономики. Цены на промышленные товары, производимые в городах, росли опережающими темпами, в то время как закупочные цены на зерно и сырьё, поставляемые крестьянами, искусственно удерживались на низком уровне.

Как это выглядело на практике?

Представьте себе крестьянина в 1926 году. Он собрал урожай и везёт зерно на государственный элеватор или кооперацию. Там ему платят твёрдую цену, которая едва покрывает его расходы. Чтобы купить в городе плуг, косу, керосин или даже простую мануфактуру, ему приходится отдавать в два, а то и в три раза больше зерна, чем до революции. Крестьянин чувствовал себя обманутым: он работал, но его труд обесценивался.

Это явление имело два разрушительных последствия:

«**Крестьянский занавес**». Крестьяне начали придерживать хлеб. Зачем продавать его государству по дешёвке, если можно подождать до весны, когда цены вырастут, или скор-

мать скоту? Это приводило к регулярным **хлебозаготовительным кризисам**. В городах начинался дефицит муки, а вслед за ним росло недовольство рабочих.

Удар по индустриализации. Государство, закупая хлеб дёшево и продавая хлебопродукты в города по твёрдым ценам (чтобы рабочие не голодали), получало убытки. Эти убытки покрывались за счёт промышленности. Заводы и фабрики лишались оборотных средств, не могли закупать новое оборудование и расширяться. Индустриализация буксовала.

Оппозиция во главе с Троцким и Преображенским предлагала решение: «первоначальное социалистическое накопление». Проще говоря — **выкачать средства из деревни силой**, установив высокие цены на промтовары. Но это был путь к гражданской войне. Крестьянин, только что переживший продразвёрстку, не стал бы мириться с новым грабёжом.

Сталин и Бухарин, критикуя оппозицию, предлагали иной путь — постепенное, рыночное сближение цен («смычка города и деревни»). Но на практике государство не могло отпустить цены: это грозило инфляцией и бунтом в городах. Экономика оказалась в порочном круге: чтобы накормить город, нужно было держать низкие цены на хлеб, но низкие цены на хлеб убивали стимул его производить.

К 1926 году «ножницы» раскрылись максимально широко. Страна стояла перед выбором: либо сворачивать НЭП и

возвращаться к чрезвычайным мерам (что предлагала оппозиция), либо искать третий путь — насильственную коллективизацию и форсированную индустриализацию за счёт деревни (что в итоге выбрал Сталин). Но ни один из этих путей не был мирным и безболезненным.

Цифры, которые убивали смычку города и деревни

В 1913 году, чтобы купить плуг, крестьянину требовалось продать около 20 пудов зерна. К 1923 году эта цифра выросла до 100 пудов. А к 1926–1927 годам «ножницы» раскрылись максимально широко: для покупки того же плуга нужно было отдать уже **150–200 пудов зерна**. В некоторых промышленных центрах (например, в Иваново-Вознесенске) индекс цен на промтовары был в **3–4 раза выше** индекса цен на сельскохозяйственную продукцию.

Бюджет рабочего и крестьянина в 1926 году

Чтобы понять масштаб трагедии, взглянем на сухие цифры доходов и расходов:

Зарплата рабочего. Средний заработок промышленного рабочего в городах (Москве, Ленинграде) составлял около **40–50 рублей** в месяц.

Доход крестьянина. Крестьянское хозяйство имело денежный доход около **60–70 рублей в год**, то есть **5–6 рублей в месяц**.

Что можно было купить на эти деньги? (Цены в городах)

Пара сапог — **15–20 рублей** (почти половина месячной

зарплаты рабочего!).

Аршин ситца — **0,7–1 рубль**.

Керосин — **0,15 рубля** за литр.

Буханка чёрного хлеба — **0,05–0,1 рубля**.

Фунт мяса — **0,5–0,7 рубля**.

Вывод был очевиден: крестьянин не хотел продавать хлеб за бесценок («за бумажки»), на которые всё равно ничего нельзя было купить. Город оставался голодным, а заводы — без средств к развитию.

1.2. «Ни армии, ни тыла»: Доклад Тухачевского и военная тревога

Если экономика страны страдала от «ножниц цен», то обороноспособность СССР в 1926 году находилась в состоянии клинической смерти. Это был самый охраняемый секрет государства. На бумаге Красная Армия существовала, но в реальности воевать она не могла.

Масштаб сокращения После окончания Гражданской войны страна, измученная войной, начала стремительную демобилизацию. Если в 1920 году численность РККА достигала **5,5 миллионов человек**, то к 1925–1926 годам она была сокращена до **560–600 тысяч**. Это был необходимый шаг для экономии бюджета, но он превратил армию из боевой силы в «кадрированную» структуру, неспособную к быстрой мобилизации без потери управления.

Кто командовал? Уровень командных кадров Кадровая проблема стояла острее всего. В армии наблюдался ко-

лоссальный некомплект командного состава. На одного командира роты приходилось по 2–3 должности. Зарплата командира роты (около 40–50 рублей) была зачастую ниже зарплаты квалифицированного рабочего на заводе. Это приводило к двум последствиям:

Уход лучших. Талантливые «военспецы» и командиры из рабочих уходили на гражданку, где платили больше и не было казарменной муштры.

Падение качества. На командные должности часто попадали люди без должного образования. Тухачевский в своём докладе прямо писал: *«Инициатива — крайне редкое явление»* среди командиров. Они боялись принимать решения и действовали строго по уставу или карте, теряясь при изменении обстановки.

Техническая оснащённость и катастрофа с боеприпасами Здесь цифры говорят сами за себе. К 1926 году Красная Армия представляла собой огромную массу пехоты с крайне слабой огневой поддержкой и полным отсутствием современных родов войск.

Танки: СССР имел всего **159 танков и бронеавтомобилей** на всю страну. Для сравнения: Польша к тому времени имела несколько сотен танков, закупленных во Франции.

Авиация: В строю находилось **694 самолёта**. Большинство из них были устаревшими моделями времён Первой мировой войны.

Артиллерия: Основной парк орудий также состоял из

старых систем.

Но самым слабым местом был не металл, а порох. Состояние мобилизационных запасов боеприпасов было катастрофическим. По данным, которые легли в основу докладов для ЦК ВКП(б), обеспеченность армии выглядела следующим образом:

Снаряды: Запас обеспечивал ведение боевых действий лишь в **20%** от установленных норм военного времени.

Патроны: Ситуация была ещё хуже — запас винтовочных патронов составлял всего **8%** от необходимого минимума.

Это означало, что в случае начала полномасштабной войны Красная Армия расстреляла бы свой боекомплект за считанные дни, после чего осталась бы с винтовками против танков и пулемётов противника.

Главный вывод доклада Тухачевского

Начальник Штаба РККА Михаил Тухачевский в феврале 1926 года представил доклад «Оборона Союза Советских Социалистических Республик». Его выводы были неутешительны:

«В случае благоприятного для блока [вероятных противников] развития боевых действий первого периода войны, его силы могут значительно вырасти, что в связи с «западно-европейским тылом» может создать для нас непреодолимую угрозу».

Простыми словами: если Польша (при поддержке Румы-

нии и, возможно, Франции) нанесёт удар, Красная Армия проиграет приграничное сражение и будет вынуждена отступить вглубь страны. У СССР просто не было ресурсов (ни техники, ни обученных резервов, ни снарядов), чтобы остановить вторжение.

Итог

В 1926 году воевать РККА было нечем и некем. Идея «экспорта революции» на штыках Красной Армии была чистой воды **фантазией**. Страна была слаба как никогда со времён Гражданской войны.

1.3. «Крестьянский занавес» и социальная усталость

В обществе господствовали пораженческие настроения.

Раздел 3. «Вниз по лестнице, ведущей вверх»: Социологическая карта страны

К середине 1920-х годов Советская Россия представляла собой кипящий котел социальных противоречий. Революция, Гражданская война и НЭП создали совершенно новую социальную структуру, в которой старые и новые конфликты переплетались самым причудливым образом. Поддержка советской власти была крайне неравномерной и хрупкой.

Рабочий класс: От авангарда к «обиженному сословию» Пролетариат, считавшийся опорой режима, к 1926 году был далек от монолитного единства.

Квалифицированные рабочие («Рабочая аристо-

кратия»): Те, кто пережил войну и сохранил навыки, чувствовали себя неплохо. Их зарплата росла, они были востребованы.

Неквалифицированные и пришлые: Огромный приток крестьян в города создал переизбыток дешевой рабочей силы. Безработица среди них была колоссальной. Они жили в бараках, голодали и видели, как «нэпманы» (частники) ездят на извозчиках и пьют кофе в кафе.

Недовольство: Главным лозунгом рабочих был не «Долой советскую власть!», а «За рабочую демократию!». Они были недовольны бюрократизацией профсоюзов, которые перестали защищать их интересы, и тем, что их заставляют повышать производительность труда («давить норму») без адекватного роста зарплаты.

Крестьянство: Большинство, которое молчало (пока) Крестьяне составляли более 80% населения. Их отношение к власти было прагматичным и настороженным.

Середняки: Самая массовая группа. Они получили землю и в целом были довольны. Но политика низких закупочных цен на хлеб вызывала глухое раздражение. Они не хотели больше революций, они хотели спокойно работать и торговать.

Бедняки: Традиционная опора большевиков в деревне. Однако НЭП укрепил кулаков, и бедняки чувствовали себя забытыми.

Кулаки: Зажиточные крестьяне. Они богатели на торгов-

ле, но были под постоянным прессом налогов и идеологической ненависти со стороны власти.

НЭП возродил социальное неравенство в его самых грубых формах. Пропасть между богатыми и бедными стала видна невооруженным глазом.

Зарплаты: В 1925–1926 годах зарплата ответственного партийного работника или директора треста могла достигать **200–300 рублей**, в то время как средняя зарплата рабочего составляла **40–50 рублей**, а чернорабочего — **25–30 рублей**.

Потребление: В то время как рабочие стояли в очередях за хлебом по карточкам или за дорогим хлебом в коммерческих магазинах, «нэпманы» демонстративно сорили деньгами в ресторанах и частных лавках. Это порождало острую социальную ненависть.

Антисемитизм: В условиях, когда частная торговля была разрешена, а государственная — дезорганизована, многие предприниматели были евреями (традиционно вовлеченными в торговлю в черте оседлости). Успех «нэпмана» в глазах обывателя часто ассоциировался с еврейским происхождением, что власти использовали для канализации социального недовольства.

Промышленность: Руины вместо заводов

Утверждение, что промышленность восстанавливалась, было во многом пропагандистским штампом. Реальность была куда печальнее.

Доля неработающих предприятий: К 1926 году значительная часть дореволюционных заводов так и не была восстановлена. По разным оценкам, до **40%** промышленных предприятий (особенно в легкой и обрабатывающей промышленности) стояли законсервированными или работали на минимальной мощности из-за отсутствия сырья, топлива и оборотных средств.

Сырьевая зависимость: Страна оставалась преимущественно аграрной. Доля СССР в мировом товарообороте упала с **4,2%** в 1913 году до менее **1%** к 1926 году. Мы продавали зерно и лес, чтобы купить станки, но зерна не хватало даже для внутреннего потребления.

Городская среда: НЭПманы и интеллигенция

«Нэпманы»: Новая буржуазия. Они были живым воплощением социального неравенства. Для рабочего или демобилизованного красноармейца, не имеющего работы, нэпман в дорогом пальто был врагом номер один. Это порождало **антисемитские настроения**, так как среди предпринимателей было много евреев (что активно использовалось в пропаганде).

Интеллигенция: Разношерстная группа. Часть бывших дворян («спецслужашие») пошла на сотрудничество с властью ради пайка и работы. Другая часть («бывших») жила в страхе и ожидании возврата к старому.

Общий фон: Пораженчество и усталость

В обществе господствовали пораженческие настроения. Это не означало желания вернуть царя. Это была усталость от постоянного напряжения и страха перед завтрашним днем. Идеалы революции потускнели. Люди хотели не «мирового пожара», а стабильности, сытости и порядка. В этой атмосфере любые радикальные призывы — будь то сталинское «закручивание гаек» или троцкистский «перманентный натиск» — воспринимались с опаской.

Вывод:

Власть большевиков в 1926 году держалась не на энтузиазме масс, а на инерции страха и отсутствии реальной альтернативы. Но социальная база режима была крайне узкой. Оппозиция пыталась апеллировать к рабочим («Вернем рабочую демократию!»), но рабочие хотели хлеба, а не новых дискуссий. Сталин же предлагал (пока лишь на словах) стабильность и порядок.

Рабочий класс был недоволен бюрократизацией парткомов, профсоюзов и низким уровнем жизни.

Крестьянство было недовольно низкими ценами на хлеб.

В городах росло социальное расслоение: нэпманы демонстративно богатели на фоне очередей за хлебом.

Раздел 4. «Кольцо врагов»: Международная изоляция и Рапалльский мир

К 1926 году Советская Россия оставалась государ-

ством-изгоем для ведущих западных демократий. Несмотря на то, что ведущие страны (Великобритания, Франция, Италия) к середине 1920-х де-факто признали СССР и установили торговые отношения, политического доверия не было. Западный капитал рассматривал Советскую власть как временного, нестабильного партнёра, а не как равного.

Рапалльский договор: Осколки бывшего союза

Единственным по-настоящему надёжным союзником СССР на Западе оставалась Германия. Отношения двух «партий» Европы были скреплены **Рапалльским договором от 16 апреля 1922 года**.

Суть договора: Стороны взаимно отказывались от всех претензий (включая военные репарации), восстанавливали дипломатические отношения и начинали тесное экономическое сотрудничество.

Секретная сторона: Для СССР и Германии это был не просто торговый договор. В обход Версальских ограничений Германия тайно размещала на советской территории военные производства и учебные центры (например, лётную школу в Липецке и танковую школу под Казанью). Здесь готовились кадры и техника для будущего возрождения германской армии.

Почему Берлин стал отдаляться?

Однако к 1926 году этот союз начал давать трещину. И дело было не только в деньгах (план Дауэса сулил Германии

западные кредиты).

Ключевым фактором стал **страх германской элиты перед Коминтерном**. В правительстве Веймарской республики (особенно в МИДе, где тон задавал Густав Штресеман) росло убеждение, что Москва использует Рапалльские связи не только для взаимовыгодного сотрудничества, но и как плацдарм для экспорта революции.

Немецкие дипломаты опасались, что агенты Коминтерна и советские субсидии дестабилизируют политическую обстановку в Германии, провоцируя коммунистические восстания. Чтобы доказать Западу (Франции и США) свою благонадёжность и получить доступ к рынкам капитала, Германия была вынуждена продемонстрировать разрыв с подрывной деятельностью СССР. Интеграция в западный мир стала для Берлина важнее военного сотрудничества с Москвой.

Вывод по главе

К 1926 году Советский Союз представлял собой уникальное сочетание факторов:

Внутренняя слабость: Разрушенная экономика («ножницы цен»), социальная напряжённость и аграрный характер страны.

Военная немоть: Армия, неспособная вести современную войну из-за нехватки техники, кадров и, главное, боеприпасов (обеспеченность патронами — 8%, снарядами — 20%).

Внешняя изоляция: Страна находилась во «враждеб-

ном капиталистическом окружении», где даже единственный союзник (Германия) начал постепенно отдаляться.

К середине 20-х годов коммунистические партии в Европе были либо разгромлены, либо перешли к работе в качестве легальной оппозиции.

В этих условиях любые разговоры о «мировой революции» или «экспорте социализма» были не просто утопией, а опасной авантюрой, способной погубить «первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян».